

ИСТОРИОСОФИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. Г. Голиков

Объективное и субъективное в историческом познании с позиций источниковедения¹

Аннотация: в статье предпринята попытка с позиций источниковедения ответить на вопрос, может ли историческая наука дать объективное знание о прошлом человеческого общества. Автор полагает, что при ответе на него надо иметь в виду по крайней мере три обстоятельства: не вся информация о действительности фиксировалась современниками; даже та информация, которая была зафиксирована, не полностью сохраняется и по разным причинам только отчасти доступна ученым; историк, формируя источниковую базу работы, в свою очередь отбирает для изучения материал, в наибольшей степени соответствующий целям и задачам исследования. Круг интересов создателей источников всегда избирателен, поэтому историки используют в качестве исходной базы исследования субъективизированную картину прошлого, оставленную современниками. Преодоление этого возможно на основе всей совокупности информации о событиях, содержащейся в документах, создатели и публикаторы которых имели разные цели. Шансы воссоздать более объективную картину прошлой действительности увеличивает использование в исторических исследованиях междисциплинарного подхода, включение в источниковую базу наряду с письменными изобразительных материалов. Задача ученых в поисках исторической объективности — минимизировать собственную субъективность.

Ключевые слова: история, историческая наука, объективное и субъективное, исторические источники, субъективизированная картина прошлого, хранилища источников, междисциплинарный подход, конкретно-проблемный метод, «цветные книги», сатирическая графика.

Может ли историческая наука дать объективное знание о прошлом человеческого общества? На этот вопрос ученые отвечают по-разному. В XIX в. историки-позитивисты были убеждены: их задача — «показать, как все происходило на самом деле» (Л. Ранке). Предполагалось, что опора на достоверные факты, содержащиеся в подлинных источниках, и сознательное преодоление исследователем собственной субъективности могут гарантировать объективность полученного знания.

Хотя все ученые-историки, независимо от их теоретико-методологических позиций, в той или иной степени заинтересованы в адекватном знании о прошлом, реализовать это на практике непросто. Прошлое тесно связано с настоящим.

Как обоснованно констатировал немецкий историк профессор Й. Рюзен, «не следует доверять наивным утверждениям авторов, уверяющих читателей в абсолютной объективности своих трудов. История пишется и переписывается снова и снова в контексте времени, в котором живут историки и читатели их трудов»².

По мнению академика И. Д. Ковальченко познание, несмотря на субъективность своей формы, может давать объективное по содержанию знание. Для исторических исследований существует «диапазон объективности»: от 1 до 0. Однако ни объективная, ни субъективная составляющие исторического знания никогда не достигают этих крайних значений³.

При ответе на сформулированный в начале статьи вопрос надо иметь в виду, по крайней мере,

¹ Статья написана по материалам доклада, сделанного на пленарном заседании международной научной конференции «Может ли история быть объективной», состоявшейся 2 декабря 2011 г. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

² Rösen Jörn. Historische Vernunft: Grundzüge einer Historik. 1. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1983. S. 119.

³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Изд. 2. М., 2003. С. 256–257.

три обстоятельства. Во-первых, как известно не вся информация о действительности фиксировалась современниками. Во-вторых, даже та информация, которая была зафиксирована, не полностью сохраняется и по разным причинам только отчасти доступна для ученых. В-третьих, историк, формируя источниковую базу работы, в свою очередь, отбирает для изучения материал, в наибольшей степени соответствующий целям и задачам исследования.

Содержательную основу трудов историков составляет информация о прошлой действительности, зафиксированная в источниках, которые выполняют функцию накопления, хранения и передачи во времени этой информации. Круг интересов создателей источников всегда избирателен. Поэтому историки используют в качестве исходной базы исследования субъективизированную картину прошлого, оставленную современниками. Так, древнерусский летописец тяготел ко всему необычному. Он пунктуально отмечал, например, поражавшие его воображение явления комет, описывал деяния князей, но вовсе не был склонен фиксировать то, что казалось ему обыденным. И когда не происходили события, которые казались ему достойными внимания потомков, летописец мог ограничиться кратким замечанием: «В лето... ничего не было».

Автор личного дневника нового и новейшего времени, напротив, часто сообщает о повседневном. Император Николай II ежедневно делал лапидарные записи: о погоде, о времяпрепровождении. Только события, нарушавшие привычный уклад жизни, создававшие неудобства, не укладывавшиеся в рамки личных представлений, вызывали у него эмоциональную реакцию, получившую отражение в дневнике. «Ошеломляющее известие» о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» побудило всегда сдержанного царя хотя бы наедине с собой дать волю чувствам: «Просто не верится!.. Черт знает, что происходит в Черноморском флоте. <...> Надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников»⁴.

Личный дневник — произведение безусловно пристрастное. Автор фиксирует в окружающей действительности только то, что ему важно и интересно. Но одновременно он непосредственно сообщает информацию о себе. Такие ненамеренные свидетельства, какими бы малозначительными они ни казались порой, позволяют историкам получать

более объективное знание. 1 сентября 1904 года Николай II записал в дневнике: «Настоящий осенний день: 7° с дождем и сильнейшим ветром. <...> В первый раз пришлось затопить камин». И далее следует ремарка: «Остался дома, обидевшись на погоду»⁵. Очевидно, что последняя фраза определенно характеризует российского самодержца как крайне обидчивого человека, склонного действовать импульсивно, подчиняясь сиюминутному настроению. Известно, что эта черта Николая II проявлялась и в его деятельности в качестве главы государства.

Степень объективности исторического знания во многом зависит от сохранности источников и их доступности для исследователей. Информация о деятельности людей может быть зафиксирована разными способами и на различных материальных носителях. Постепенно человечеством были выработаны формы сохранения в течение длительного времени наиболее важных в практическом и научном отношении источников. Их основными хранилищами стали архивы, библиотеки, музеи. Войны, пожары, человеческое небрежение вносили коррективы в состав сохранявшихся исторических источников. Но как знают ученые, иногда даже природные и социальные катаклизмы играли в этом отношении не только роль все разрушающего злого волшебника, но также, по образному выражению французского историка М. Блока, роль созидателя «божества, покровительствующего исследователю»⁶. Извержение вулкана Везувий, ставшее катастрофой для жителей Помпей, сохранило для ученых богатейший археологический материал. Французская революция XVIII в. заставила министров короля бежать, не дав им времени сжечь секретные бумаги. Национализация Советским государством действовавших в дореволюционной России крупных предприятий и банков уберегла от гибели их архивы и находившиеся в делопроизводстве документы.

Общее количество исторических источников огромно. Но прежде, чем историк приступит к исследованию, он должен выяснить: какие из необходимых материалов можно будет получить для работы. М. Блок называет двух главных «виновников забвения и невежества»: небрежность, «которая теряет документы» и страсть к тайнам (дипломатическим, деловым, семейным), «кото-

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 42.

⁴ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 265–266.

рая прячет документы или их уничтожает»⁷. Законодательство всех государств устанавливает ограничения по использованию определенных категорий документов. Однако даже тогда, когда государство публикует документы, ранее имевшие гриф секретности, такие издания тенденциозны по подбору материала.

В 1914–1915 гг. министерства иностранных дел Германии, Великобритании, России, Бельгии, Сербии, Франции и Австро-Венгрии опубликовали сборники дипломатических документов – так называемые «цветные книги».

При помощи специальных подборок документов правительства государств, вступивших в Первую мировую войну, стремились в глазах общественности переложить на противника ответственность за ее возникновение⁸. Для обоснования подобных версий составители всех «цветных книг» совершили шулерские операции.

Так, в МИД Германии уже к полудню 2 августа 1914 г. подготовили «Белую книгу», в которую не был включен текст телеграммы Николая II Вильгельму II с предложением «передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию». Сделанное русской стороной предложение противоречило ключевому тезису германского МИД: в возникновении войны виновата Россия – и о нем предпочли «забыть». В английской «Синей книге», как установили исследователи, более 100 из 159 документов опубликованы в сильно фальсифицированном виде: в документах вырезались «неудобные» фразы, иногда дописывались новые, порой соединялись в едином «документе» фрагменты разных телеграмм и даже создавались никогда не существовавшие «документы».

После окончания войны правительства государств-участников приступили к изданию многотомных публикаций дипломатических документов. Но они, как оказалось, тоже не были безупречны. Первой вышла 40-томная публикация документов МИД Германии. Те, кто готовил это издание, использовали тематический принцип расположения материала, что позволяло отбирать «имеющие значение для темы» и не включать «малозначимые», с их точки зрения, документы, публиковать документы с купюрами, разрывать их, помещая в разных частях тома, а иногда в разных

томах. Этот прием стал очевиден после того, как во Франции издали перевод германской публикации, расположив документы в строго хронологическом порядке.

Опыт многотомных публикаций наглядно показал, что все без исключения документы опубликовать нельзя, а их подборки составляются в соответствии с определенным политическим заказом. По меткому выражению английского историка А. Тейлора, «ни одно правительство не станет оплачивать издание многотомных трудов из бескорыстной любви к науке»⁹. Субъективность выборочных публикаций документов присуща всем подобным изданиям – по военной, экономической истории и т. д. К тому же масштабность изданий, из-за необходимости привлечения значительных финансовых средств, лишь усугубляет их ангажированность.

Преодоление субъективизированной картины возможно при сопоставлении различных публикаций и на основе анализа всей совокупной информации о событиях, содержащейся в документах, издатели которых имели заведомо различные цели.

Понятие «объективность» нередко употребляется в значении – беспристрастность, непредвзятость. Русский историк-позитивист Н. И. Кареев утверждал: «Обязанность быть объективным должна сопровождать всю деятельность историка от критики источников до самых отвлеченных обобщений»¹⁰. В ходе исследования ученый, по его словам, обязан постоянно следить за тем, чтобы «какие бы то ни было посторонние научным требованиям соображения не диктовали ему приговоров о событиях и отношениях, о людях, о мотивах их поступков, о результатах их деятельности и проч.»¹¹. Кареев обозначил три самых вредных, с его точки зрения, разновидности субъективизма ученых, назвав их «незаконными»: конфессиональный, национальный, партийный.

В труде, посвященном истории стран Западной Европы в начале XX в., Кареев дал характеристики главам ведущих западноевропейских держав. Вильгельма II, императора Германии, с которой Россия во время работы автора над книгой вела войну, он описывает как человека самолюбивого, тщеславного, властного, «преисполненного самых авторитарных понятий». В то же время английские

⁷ Там же. С. 43.

⁸ См.: *Ерусалимский А. С.* Вопрос об ответственности за войну // Историк-марксист. 1932. № 1–2.

⁹ *Тэйлор А.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 31.

¹⁰ *Кареев Н.* Историка (теория исторического знания). Изд. 2. Пг., 1916. С. 193.

¹¹ Там же. С. 195.

монархи — Эдуард VII и Георг V — под пером члена конституционно-демократической партии Кареева предстают «образцово конституционными» мудрыми правителями¹². Так в конкретно-историческом исследовании ученый не смог преодолеть «незаконный», по собственному определению, субъективизм.

Шансы воссоздать более объективную картину прошлой действительности увеличивает использование в исторических исследованиях междисциплинарного подхода. Историческое знание интегрально: оно охватывает все многообразие общественной жизни.

В монографии «Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней» английский историк профессор Д. Ливен представил опыт сравнительного изучения Российской, Британской, Османской империй и империи Габсбургов. Понятие «Российская империя» автор трактует расширительно — от вхождения в состав Московского государства Казанского и Астраханского ханств и до распада СССР. В качестве приложения в книгу включена подборка произведений сатирической графики из исследования Эдуарда Фукса «Мировая война в карикатуре»¹³. Карикатуры, по замыслу Ливена, дополняют основной текст. То, что автор не договаривает вербально, он сообщает читателю визуально.

Включение в источниковую базу письменных и изобразительных материалов требует от исследователя выработки конкретно-проблемного метода комплексного изучения содержащейся в них информации. К сожалению, описания такого метода автор не дал. Но читатель может самостоятельно, на основе тех материалов, которые содержатся в книге, хотя бы отчасти выявить субъективную позицию автора при отборе им источников и попытаться увидеть неиспользованные ученым возможности получения более объективного знания за счет повышения их информационной отдачи.

Посмотрим, как в книге сопряжены текст и изобразительный ряд на примере сюжета о Крымской войне. Описанию этого события историк посвятил всего одну фразу: «Твердое намерение остановить неумолимое наступление российской державы лежало в основе решения Британии о начале войны в 1854 году». И далее воспроизведе-

дено высказывание лорда Г. Пальмерстона о том, что «для наилучшего и наиболее действенного обеспечения безопасности мирного будущего Европы следует отделить от России некоторые из пограничных территорий». Британский политик утверждал, что и без Грузии, Черкессии, Крыма, Бессарабии, Польши и Финляндии «Россия все равно сможет оставаться огромной державой, но уже не будет иметь такого подавляющего преимущества в случае нападения на своих соседей»¹⁴.

Но зато это событие, Крымская война, отражено в десяти карикатурах — четвертой части всего приложения. И этот визуальный ряд несет большую информацию, чем скупые строки авторского текста. Карикатура — произведение изобразительного искусства, в котором информация зафиксирована в художественно-образной форме. Хорошо понятная современникам, карикатура для нынешнего читателя-зрителя зачастую требует пояснений¹⁵. Поэтому извлечь тот познавательный потенциал, который она содержит, можно, зная исторический контекст и понимая специфику сатирической графики. По словам Фукса, карикатура имеет свою лексику и свою грамматику. Она всегда злободневна, пристрастна. Являясь публицистическим произведением, сатирическая графика на языке зрительных образов предлагает определенное толкование и оценку того, что произошло, обращая при этом не только к сознанию человека, но, прежде всего, к его эмоциональному восприятию. Карикатуристы разных стран, исходя из политических интересов держав и направленности общественного мнения, давали разные оценки одних и тех же событий.

Ливен, выстраивая изобразительный ряд, в трактовке Крымской войны акцентирует версию событий, представленную в работах английских художников. Читатель видит Россию в образе огромного страшного медведя в короне, который душит в объятиях тщедушного индюка в феске — Турцию (1853). На другой карикатуре Британия предстает могучим, рвущимся в бой, грозным львом, от одного вида которого русский медведь в страхе ретируется (1854). Еще на одном рисунке, когда обозначилось поражение России в войне, медведь изображен бегущим к берлоге, которую затем окружают храбрые союзники-победители:

¹² Кареев Н. История Западной Европы в новое время. Т. 7. История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914). Ч. 1. Пг., 1916. С. 36–37.

¹³ Fucks Ed. Der Weltkrieg in der Karikatur. Erster Band: Bis zum Vorabend des Weltkrieges. München. 1916.

¹⁴ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 417.

¹⁵ См.: Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX – XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

англичанин, француз, сардинец и турок (1855). Так при помощи понятных образов в массовое сознание внедрялась идея — доблестный британский лев, защитник слабых и обиженных, побеждает огромного злого и трусливого русского медведя.

Автор включил в подборку и французские карикатуры, в которых преобладает тема противостояния «культурной» Европы «варварской» России, представленной художником в виде грязных, косматых казаков, вооруженных саблями и пиками. На известном рисунке О. Домье казаки поедают... свечи. Такое изображение русских со времени наполеоновских войн культивировалось в Западной Европе, и карикатуристы внесли свой вклад в формирование негативного образа России, внедряя его в подсознание современников.

Обратим внимание, что Ливен не включил в составленный им изобразительный ряд известную

карикатуру русского художника Н. А. Степанова, посвященную взаимоотношениям союзников, хотя эта карикатура также воспроизведена в книге Фукса. На рисунке видно, как англичанин с мачты корабля наблюдает за мощными укреплениями фортов, защищающих Севастопольскую бухту. Подпись дополняет рисунок его размышлениями: не предоставить ли первый штурм грозной крепости французскому союзнику?

Карикатура — своеобразное «зеркало», отражающее реалии своего времени. Каждое национальное «зеркало» имело известный коэффициент искривления. Чтобы скорректировать искажение, необходимо использовать несколько «зеркал».

Очевидно, что задачей ученых в поисках исторической объективности должно стать стремление минимизировать собственную субъективность.

Список литературы:

1. Fucks Ed. Der Weltkrieg in der Karikatur. Erster Band: Bis zum Vorabend des Weltkrieges. München. 1916.
2. Rüsen J. Historische Vernunft: Grundzüge einer Historik. 1. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1983.
3. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.
4. Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
5. Дневники императора Николая II. М., 1991.
6. Ерусалимский А. С. Вопрос об ответственности за войну // Историк-марксист. 1932. № 1–2.
7. Кареев Н. Историка (теория исторического знания). Изд. 2. Пг., 1916.
8. Кареев Н. История Западной Европы в новое время. Т. 7: История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914). Ч. 1. Пг., 1916.
9. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Изд. 2. М., 2003.
10. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
11. Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958.

References (transliteration):

1. Fucks Ed. Der Weltkrieg in der Karikatur. Erster Band: Bis zum Vorabend des Weltkrieges. München. 1916.
2. Rüsen J. Historische Vernunft: Grundzüge einer Historik. 1. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1983.
3. Blok M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. M., 1973.
4. Golikov A. G., Rybachenok I. S. Smekh — delo ser'eznoe. Rossiya i mir na rubezhe XIX– XX vekov v politicheskoy karikature. M., 2010.
5. Dnevniky imperatora Nikolaya II. M., 1991.
6. Erusalimskiy A. S. Vopros ob otvetstvennosti za voynu // Istorik-marksist. 1932. № 1–2.
7. Kareev N. Istorika (teoriya istoricheskogo znaniya). Izd. 2. Pg., 1916.
8. Kareev N. Istoriya Zapadnoy Evropy v novoe vremya. T. 7: Istoriya Zapadnoy Evropy v nachale XX stoletiya (1901–1914). Ch. 1. Pg., 1916.
9. Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovaniya. Izd. 2. M., 2003.
10. Liven D. Rossiyskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dney. M., 2007.
11. Teylor A. Bor'ba za gospodstvo v Evrope. 1848–1918. M., 1958.